
«КОЛОКОЛ» А. И. ГЕРЦЕНА И КРЕСТЬЯНСКОЕ ДВИЖЕНИЕ В РОССИИ В ГОДЫ ПЕРВОЙ РЕВОЛЮЦИОННОЙ СИТУАЦИИ (1859—1861)

(К 100-ЛЕТНЕМУ ЮБИЛЕЮ «КОЛОКОЛА»)

Б. С. ГИНЗБУРГ

В текущем году наша страна отмечала столетие со дня выхода в свет первого номера герценовского «Колокола» — он появился 1 июля 1857 г.

Советские историки давно начали всестороннее изучение этого выдающегося революционного издания, — ему посвящен ряд серьезных исследовательских статей, отдельная монография (З. П. Базилевой). Несмотря на недостатки этих работ, в свое время отмеченные советской печатью, они способствовали тому, что изучение «Колокола» значительно продвинулось, был собран ценный материал и разрешен ряд существенных исследовательских задач. Тем не менее изучение этой сложной темы советской историографией еще только начато. Много важных исследовательских проблем, поставленных В. И. Лениным в его статье «Памяти Герцена», остается доселе неизученными.

Среди них один вопрос, как нам представляется, имеет особое значение. Как известно, Ленин отмечал, что «при всех колебаниях Герцена между демократизмом и либерализмом, демократ все же брал в нем верх»¹. Объясняя это колебание, Ленин указывал на элементы дворянской ограниченности герценовской революционности и на то, что, покинув Россию в 1847 г., Герцен «не видел революционного народа и не мог верить в него»². Отсюда его либеральная апелляция к верхам и слащавые письма к Александру II. Ленин считал не виной, а бедой Герцена то, что он «не мог видеть революционного народа в самой России в 40-х годах. Когда он увидел его в 60-х — он безбоязненно встал на сторону революционной демократии против либерализма... Он поднял знамя революции»³.

Таким образом, вопрос о воздействии усиливающегося народного движения на политические позиции А. И. Герцена приобретает первостепенное значение. Необходимо исследовать, что знал Герцен о крестьянском движении и как влияла эта осведомленность на завоевание им позиций революционного демократизма. «Колокол» является неоценимым источником для разрешения этой проблемы. Вопрос этот еще не освещался в советской литературе, а между тем без ответа на него нельзя разобраться в глубокой подоснове идейной эволюции как Герцена, так и Огарева.

Настоящая работа ставит своей целью выяснить, как отражалось крестьянское движение в России в годы первой революционной ситуации на страницах «Колокола», как относились редакторы «Колокола» к этому движению и в какой мере это было связано с идейной эволюцией Герцена и Огарева.

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 18, стр. 12.

² Там же.

³ Там же, стр. 14.

Герцен и Огарев отводили народу решающую роль в истории. Так, Герцен видел главную причину поражения восстания 14 декабря 1825 г. в том, что декабристам на Сенатской площади «не хватало народа»⁴. Массы «не были с ними, и судьба их (декабристов.— Б. Г.) была решена»⁵,— писал Герцен. К такому же выводу пришел и Огарев в своем разборе книги М. Корфа. Он указывает, что тайное общество основывалось лишь на «малом меньшинстве» дворянства и на некоторой части войска. «С этими средствами нельзя были выиграть дело, и вот внутренняя причина неудачи 14 Декабря»⁶.

Как говорилось выше, в 40-х годах XIX в. Герцен не видел революционного народа в крепостной России, которая, по словам Ленина, была в это время «забита и неподвижна»⁷. Это подтверждается отрывками из дневников Герцена за 1842—1844 гг. Так, например, 11 июня 1843 г. Герцен, обращаясь к народу, восклицает: «Взглянул бы на тебя, дитя,— юношею, но мне не дожидаться, благословлю же тебя хоть из могилы»⁸. 24 декабря 1843 г., рассказав о кровавом усмирении крестьянских восстаний в Казанской и Вятской губерниях, Герцен с возмущением пишет: «Кто-нибудь должен проснуться—или правительство, или народ. О первом так же трудно поверить, как о другом...»⁹. Наконец, 10 апреля 1844 г., сообщив об усмирении крестьян в Тамбовской губернии, Герцен делает вывод: «И так из раскольничьих скитов вырываются такие звуки среди общей немоты крестьян»¹⁰. Именно это убеждение в «общей немоте» народа было причиной глубокого пессимизма Герцена, отразившегося в его дневниках.

В 1847 г. Герцен уехал за границу. Основав русскую типографию в Лондоне, он выпустил в 1853 г. прокламацию «Юрьев день! Юрьев день! Русскому дворянству». Герцен остановился в ней на назревании революционных настроений в деревне. «А между тем,— пишет он,— в деревнях становится неловко. Крестьяне поглядывают угрюмо. Дворяне меньше слушаются. Всякие вести бродят. Там-то помещика с семьей сожгли, там-то убили другого цепями и вилами, там-то приказчика задушили бабы на поле, там-то *камергера* высекли розгами и взяли с него подписку молчать.

Крепостное состояние явным образом надоело мужикам; они только не умеют приняться сообща за дело»¹¹. Все это создает возможности для народного восстания — новой «пугачевщины». «Страшна и пугачевщина,— пишет Герцен,— но скажем откровенно: если освобождение крестьян не может быть куплено иначе, то и тогда оно не дорого куплено». Герцен угрожает дворянам, что если они не освободят крестьян, то он обратится «прямо к несчастным братьям нашим для того, чтобы сосчитать им их силы, которых они не знают, указать им средства, о которых они не догадываются, растолковать им вашу слабость, которую они не подозревают, для того, чтоб сказать им: «Ну, братцы, к топорам теперь. Не век нам быть в крепости, не век ходить на барщину да служить во дворе; постоимте за святую волю, довольно натешались над нами господа, довольно обломали палок об ребра стариков.. Нутка, детушки, соломы. соломы к господскому дому, путь бариачи погреются в последний раз!»¹³.

Тут едва ли не впервые в прокламационной литературе 50-х годов прозвучал, хотя и сопровождаемый рядом оговорок, призыв «к топору», и призыв этот исходил от А. И. Герцена. Та же мысль изложена Герценом в брошюре «Крещеная собственность» — видимо, этот круг идей сильно волновал Герцена. Он писал в ней, что «...пока помещик не уморил с голоду или не убил физически своего крепостного человека, он

⁴ А. И. Герцен, Полн. собр. соч. и писем под ред. М. К. Лемке, т. IX, Пг., 1919, стр. 149.

⁵ Там же, стр. 32.

⁶ Н. П. Огарев. Избранные социально-политические и философские произведения, М., 1952, т. I, стр. 255.

⁷ В. И. Ленин. Соч., т. 19, стр. 294.

⁸ А. И. Герцен. Собр. соч., изд. АН СССР, т. II, М., 1954, стр. 214.

⁹ Там же, стр. 322.

¹⁰ Там же, стр. 349.

¹¹ А. И. Герцен. Полн. собр. соч. и писем под ред. М. К. Лемке, т. VII, стр. 250.

¹² Там же, стр. 252, 253.

прав перед законом и ограничен только одним топором мужика. Ими, вероятно, и разрубится запутанный узел помещичьей власти»¹³.

Еще более ярко мысль Герцена развивается в статье «Русское крепостничество» напечатана в ноябре 1853 г.), где Герцен указывает, что так как «дворяне ждут и ничего не делают», то угнетенному, если он хочет добиться свободы, остается только единственное средство: «коса и топор». Поэтому Герцен делает вывод о том, что «выйти из создавшегося трудного положения поможет, вероятно, только оружие...»¹⁴.

В речи, произнесенной 27 февраля 1855 г. («Народный сход в память февральской революции»), Герцен, рассказав о восстании крестьян в Симбирской и Тамбовской губерниях в 1839—1840 гг., снова подчеркивает: «Воля России начнется с восстания крепостных или с их освобождения»¹⁵.

Не прошли мимо внимания Герцена волнения крестьян на Украине в связи с призывом в ополчение (1855 г.)¹⁶, а также события 1856 г., когда несколько тысяч украинских крестьян, главным образом Херсонской и Екатеринославской губерний, привлеченные слухом, что в Крыму крестьянам дают землю, двинулись «в Таврию за волей». Сведения об этом, доставленные Герцену Огаревым, нашли отражение в «Разборе манифеста 26 августа 1856 г.», напечатанном в «Полярной звезде» (1857 г., кн. III).

Понятно, что и в «Колоколе», начавшем выходить в июле 1857 г., не мог не отразиться интерес Герцена к крестьянскому движению. Как справедливо писал Ленин, «Колокол» встал «горой за освобождение крестьян»¹⁷. Правда, информация о крестьянском движении была чрезвычайно затруднена для Герцена. Подцензурная русская пресса, разумеется, была вынуждена молчать об этом. Сведения о крестьянских волнениях нередко оставались тайной губернаторов, скрытой в архивах III отделения. Герцену приходилось надеяться на тайные связи с Россией, на нелегально присылаемые оттуда материалы, на самоотверженных корреспондентов «Колокола», наконец, на личную дружескую переписку, иной раз — хоть и с риском для корреспондента — приносившую важные вести.

Крестьянские волнения и убийства помещиков усилились накануне революционной ситуации. «А между тем помещиков душат,— писал Н. А. Мельгунов А. И. Герцену 3 апреля 1857 г.,— как еще никогда не душили. Новоприезжие русские рассказывают, что в прилегающих к Москве губерниях убито в несколько месяцев больше помещиков, чем в последние десять лет»¹⁸.

Волнения крестьян нашли свое отражение в «Колоколе». Так, в листе 6 «Колокола» говорится о крестьянах деревни Сурки Нижегородской губернии, отказавшихся повиноваться своему новому владельцу и жестоко «усмиренных» графом Сумароковым-Эльстоном. Этот случай вызвал негодование Герцена, который вскрывает связь между помещиками — кастой людей, делящих «с палачом право телесных наказаний», — и правительством, которое «держит мужика за ворот и само подстегивает»¹⁹.

К материалам, помещенным в листе 6 «Колокола», следует прибавить сообщение о волнениях крестьян помещицы Павловой (село Мурмино Рязанской губернии), помещенное в листе 10 «Колокола» от 1 марта 1858 г. Крестьяне были высечены розгами прибывшей в имение военной командой во главе с губернатором П. Новосильцевым.

Этими двумя случаями ограничиваются сведения о крестьянском движении 1856—1857 гг., помещенные в «Колоколе».

Подобная скудость материалов о крестьянском движении объяснялась отсутствием широкой информации о событиях в России.

В эти годы ни Герцен, ни Огарев еще не видели, да и не могли видеть революционного народа, хотя жадно всматривались в развивающийся ход событий.

Именно этим можно объяснить слова Огарева о том, что в настоящее время «в России никто, даже сами мужики, не жаждут бунта, а жаждут перемен... За бунт

¹³ Там же, стр. 272.

¹⁴ Там же, стр. 367. (Подчеркнуто мною.— Б. Г.)

¹⁵ Там же, т. VIII, стр. 150.

¹⁶ Там же, стр. 175, 194 и 198.

¹⁷ В. И. Ленин. Соч., т. 18, стр. 12.

¹⁸ «Литературное наследство», т. 62, стр. 355.

¹⁹ «Колокол», л. 6, 1 декабря 1857 г., стр. 49.

мужики примутся только тогда, когда будет ясно, что правительство не хочет никаких перемен»²⁰. Не понимая классовой сущности самодержавия, Огарев призывает правительство «поставить Россию на путь правильного гражданского развития»²¹. Такого же мнения был и Герцен, которому казалось, что Александр II «заменит кровавую эру революции и будет мирным, кротким переход от устарелого деспотизма к человечески-свободному состоянию России»²².

Либеральные иллюзии Герцена отразились в статье «Революция в России» (15 июля 1857 г.). В ней он утверждает, что в России отсутствуют «знамения, обыкновенно предшествующие революциям», что «все в России так тихо, так подавлено...»²³. Однако в этом произведении Герцен не отказывается и от революционного пути развития, предпочитая его «застою николаевского status quo»²⁴.

У Герцена и у Огарева и в эти годы сохраняется прежняя принципиальная позиция по отношению к законности крестьянского восстания. Так, в 1857 г. в статье «Освобождение крестьян! Правительственные распоряжения (с 1857 г.)» Огарев писал, что «если дворянство станет медлить и упорствовать в сохранении своих неестественных прав, то крестьяне... захотят быть свободными» и «крестьянский топор промелькнет по барским головам». Тогда, говорит Огарев, будет поздно «присылать команды для усмирения невинных крестьян, справедливо восставших против барского упорства», ибо даже если воинская команда и усмирит крестьян, «снесенных голов к дворянским шеям она не приставит»²⁵.

В заметке «Тамбовское дворянство», помещенной в листе 8 «Колокола», Герцен, критикуя помещиков Тамбовской губернии, не желавших приступить к освобождению крестьян, писал: «Что бы ни обрушилось на тамбовское дворянство — гнев государя или топор народный — все будет справедливо...»²⁶.

Несмотря на наличие либеральных колебаний, заметка говорит о демократизме Герцена. Ни Герцен, ни Огарев в этот момент не выступали в роли мирных реформаторов, убежденных противников насильственных методов борьбы²⁷.

1858 год являлся годом возросшего размаха крестьянского движения, усилившегося после опубликования царских рескриптов.

Лишь в течение первых четырех месяцев 1858 г. было 70 случаев неповиновения крестьян²⁸. Всего же в 1858 г., по данным И. Игнатович, произошло около 200 крестьянских волнений, что в пять раз превышало их число за предшествовавший год²⁹. Положение настолько обострилось, что, по словам Ю. Ф. Самарина, «все предводители, бывшие в Петербурге, требовали войск»³⁰.

Первое известие о крестьянских волнениях 1858 г. появилось в листе 15 «Колокола» от 15 мая 1858 г. В статье «Розги и розги» Герцен передает сообщаемые газетами «вести о местных крестьянских бунтах» в России. У Герцена «сердце обливается кровью при мысли, что теперь делается!» «Ужас! Ужас!» — восклицает он³¹. Сочувствия восставшим крестьянам и кланя их палачей, Герцен, однако, не был в состоянии вскрыть истинные мотивы крестьянского движения. Видя причину восстаний в том, что «вопрос освобождения крестьян не был разрешен общей государственной мерой», Герцен призывает правительство, «не пугаясь... местных волнений», приступить к выкупу крестьян с землею. Иначе, говорит он, «мы пойдем навстречу страшных несчастий»³².

²⁰ «Колокол», л. 1, 1 июля 1857 г., стр. 5.

²¹ «Колокол», л. 3, 1 сентября 1857 г., стр. 19.

²² «Колокол», л. 18, 1 июля 1858 г., стр. 142.

²³ «Колокол», л. 2, 1 августа 1857 г., стр. 11.

²⁴ Там же.

²⁵ «Колокол», л. 7, 1 января 1858 г., стр. 51. (Подчеркнуто мною.— Б. Г.)

²⁶ «Колокол», л. 8, 1 февраля 1858 г., стр. 66.

²⁷ См. Б. П. Козьмин, статья в «Литературном наследстве», т. 39/40, стр. 295. стр. 295.

²⁸ «Материалы для истории упразднения крепостного состояния...», т. I, Берлин, 1860, стр. 176.

²⁹ И. И. Игнатович. Борьба крестьян за освобождение, Л.— М., 1924, стр. 24.

³⁰ «Русская старина», 1898, январь, стр. 92.

³¹ «Колокол», л. 15, 15 мая 1858 г., стр. 117.

³² Там же.

В листе 25 «Колокола» Герцен опубликовал анонимное «Письмо к редактору», открыто призывавшее крестьян к восстанию. Автор письма разъясняет Герцену, что «все надежды на преобразования лопнули, как мыльные пузыри», и что «напрасно сохранять еще веру в Александра»³³. Обращаясь к народным массам, автор письма указывал, как нелепы их надежды на царя, который «явно держит их (помещиков.— Б. Г.) сторону»³⁴. «На себя только надейтесь.— восклицает он,— на крепость рук своих: заострите топоры да за дело,— отменяйте крепостное право... снизу! За дело, ребята, будет ждать, да мыкать горе...»³⁵.

«Колокол» продолжал регистрировать все новые и новые крестьянские волнения. Так, в «Письме к редактору» упоминается о трех случаях крестьянских выступлений: о восстаниях крестьян Эстляндской губернии, сопровождавшихся столкновениями с войсками, о волнениях крестьян помещицы Энгельгардт (Лугский уезд Петербургской губернии) и помещика Задаево-Кошанского (Судогодский уезд Владимирской губернии), протестовавших против незаконных переселений. В том же листе «Колокола» мы находим сообщения Сатиным и Тучковым сведения о волнениях крестьян помещицы Полянской (село Пушкино, Саранского уезда, Пензенской губернии), жестоко подавленных военной командой под руководством губернатора А. Панчулидзева.

О восстаниях крестьян села Дедново, Зарайского уезда, Рязанской губернии сообщалось в заметке под заголовком «Дворянско-чиновничий разбой в селе Дедново», помещенной в следующем листе «Колокола». Зверское сечение дедновских крестьян возмутило Огарева, который предлагает выставить «имена подобных злодеев на лобное место... и на проклятие потомству», а губернатора Новосильцева «по суду сослать на каторгу»³⁶.

Таким образом, крестьянское движение 1858 г. отражено в «Колоколе» гораздо полнее, чем в предшествующие годы, что, несомненно, объясняется улучшением связей с Россией. Недаром материалами «Колокола» пользовались К. Маркс и Ф. Энгельс. Так, в письме от 21 октября 1858 г. Энгельс просит Маркса прислать ему «некоторые из его (Герцена.— Б. Г.) последних изданий», надеясь там «найти материал» о крестьянских «беспорядках» в России³⁷.

Статья «Царь Александр II» (10 сентября 1858 г.) свидетельствует, что усиление крестьянских волнений оказало на Герцена значительное влияние. В ней Герцен приходит к выводу, что Россия находится на пути «к страшной жакерии, к массовому восстанию крестьянства»³⁸. Несмотря на некоторую боязнь этой «жакерии», свойственную дворянскому революционеру, Герцен, однако, считает, что «гораздо хуже, чем жакерия и рабство, то ужасное состояние неуверенности, в котором находится страна»³⁹.

Статьи «Колокола» вызвали в это время раздражение Александра II. Как сообщает А. М. Унковский, лист 25 «Колокола», содержащий «призыв к топорам», «вывел из терпения государя»⁴⁰. Не менее озлоблены были русские либералы. Их настроения выразил Б. Н. Чичерин, которого привели в ярость «статьи с воззванием к топору». Осенью 1858 г. Чичерин специально приехал в Лондон для объяснения с Герценом. Однако попытка Чичерина указать Герцену «на необходимость трезвого и умеренного образа действий»⁴¹ закончилась неудачей.

Герцен с первых же слов Чичерина «почувал, что это — не противник, а враг»⁴². Получив в Париже известие о новой речи Александра II московским предводителям дворянства, Чичерин послал Герцену 11 октября 1858 г. письмо, в котором

³³ «Колокол», л. 25, 1 октября 1858 г., стр. 201.

³⁴ Там же, стр. 205.

³⁵ Там же.

³⁶ «Колокол», л. 26, 15 октября 1858 г., стр. 213—214.

³⁷ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XXII, стр. 364.

³⁸ «Литературное наследство», т. 7—8, 1933, стр. 64.

³⁹ Там же.

⁴⁰ «Русская мысль», 1906, кн. VI, стр. 192.

⁴¹ Б. Н. Чичерин. Путешествие за границу, М., 1932, стр. 51.

⁴² А. И. Герцен. Собр. соч., т. IX, изд. АН СССР, М., 1956, стр. 248. (Подчеркнуто мною.— Б. Г.)

уговаривал Герцена умерить «тон, иногда слишком запальчивый» и «опять принести покаяние»⁴³. В ответ на это письмо Герцен поместил в листе 27 «Колокола» 1 ноября 1858 г. статью «Нас упрекают», в которой отчетливо изложил свои взгляды. Для нас, заявил Герцен, «главное дело в том, чтоб крестьяне были освобождены с землею». Остальное ему «кажется второстепенным; средства осуществления бесконечно различны; которое изберется... в этом поэтический каприз истории,— мешать ему неучтиво». Герцен выражает готовность принять любое средство для выполнения поставленной им цели — освобождения крестьян с землею. «Будет ли это освобождение «сверху или снизу»,— мы будем за него! — восклицает Герцен.— Освободят ли... крестьянские комитеты, составленные из заклятых врагов освобождения,—мы благословим их искренно и от души. Освободят ли крестьяне себя от комитетов, во-первых, а потом от всех избирателей в комитеты (помещиков.— Б. Г.),— мы первые поздравим их по-братски и так же от души»⁴⁴.

Понятно, что подобное «оправдание» вывело из себя Чичерина, врага всякой революции, принципиального противника освобождения «снизу». Взыбленный либерал послал Герцену известное письмо, в котором пожелал выразить «протест либерализма»⁴⁵ против политического направления лондонской эмиграции.

Считая направление Чичерина «вредным для России», Герцен категорически противопоставляет ему свою политическую точку зрения. Герцен находит, что он и Чичерин — «два офицера в двух разных армиях»⁴⁶. Признавая справедливость этих слов Герцена, Чичерин заявляет, что они «глубоко разделены и разделены тактикой» и что «тут открывается различие между либерализмом и радикализмом»⁴⁷.

Таким образом, Герцен подошел к революционной ситуации, уже завоевав, несмотря на все свои либеральные колебания, совсем иные, принципиально отличные от русского либерализма позиции. Его демократизм побеждал эти колебания.

Рост массового движения в России в годы революционной ситуации еще больше укреплял его на демократических позициях. В это время на страницах «Колокола» продолжалась регистрация новых случаев крестьянского движения. Так, в листе 44 «Колокола» от 1 июня 1859 г. было помещено письмо о волнениях крестьян села Семь Могил, Кременчугского уезда, Полтавской губернии, жестоко усмирённых губернатором Волковым и губернским предводителем дворянства Остроградским. В первом номере листка «Под суд!» от 1 октября 1859 г. рассказывалось о неповиновении крестьян села Буровки, Городницкого уезда, Черниговской губернии, возмущённых расправой управляющего над 35 крестьянами. Волнение было подавлено самим помещиком Шабельским, который в то время занимал пост черниговского губернатора. В листах 57—58 «Колокола» от 1 декабря 1859 г. была помещена статья «Народное восстание, народное усмирение и розги», в которой рассказывалось о жестокой расправе новгородского полицмейстера Брикнера над удельными крестьянами Новгородской губернии, произошедшей в прошлом, 1858 г.

Дело в том, что посылаемый в «Колокол» материал подчас запаздывал. Так, в 1860 г. «Колокол» печатал материалы о крестьянском движении за 1859 г. В листе 61 «Колокола» от 15 января 1860 г. сообщается о волнениях крестьян помещицы Максимовой (село Холмово, Сосницкого уезда, Черниговской губернии), требовавших отмены тяжелой барщины. Волнение было жестоко усмирено губернатором Шабельским и жандармским полковником Шульговским. В листах 73—74 «Колокола» от 15 июня 1860 г. была помещена корреспонденция о восстании крестьян помещика Ветчинина в Сердобском уезде, Саратовской губернии, где крестьяне даже вступили в столкновение с прибывшей для их усмирения воинской командой. Наконец, в листе 76 «Колокола» от 15 июля 1860 г. рассказывается о волнениях крестьян местечек Греска и Клецка, Минской губернии (князя Льва Радзивилла), которые не были отражены в «Отчете о действиях III отделения» за 1860 г.

⁴³ «Вольное слово», 22 мая 1883 г.

⁴⁴ «Колокол», л. 27, 1 ноября 1858 г., стр. 220.

⁴⁵ Б. Н. Чичерин. Указ. соч., стр. 63.

⁴⁶ «Литературное наследство», т. 61, 1953, стр. 250.

⁴⁷ Там же. (Подчеркнуто мною.— Б. Г.).

«Колокол» осветил и «трезвенное движение», явившееся столь существенным элементом народной борьбы в годы революционной ситуации.

Герцен и Огарев горячо выступали против правительственной системы спаивания и ограбления русского народа. В статье «Русские вопросы» (II) Огарев обрушивается на систему винных откупов. Он требует освобождения России от этой «систематической и грязной отрасли чиновничьего и торгового мошенничества», которая «давит всей своей тяжестью» народ⁴⁸. По его мнению, в вопросе об уничтожении откупов «заключается один из животрепещущих вопросов русской промышленности и русской жизни»⁴⁹. Герцен и Огарев требовали отмены откупов, потому что «откуп — подкуп чиновничества; пока он существует, государство ни шагу не сделает вперед»⁵⁰.

В борьбе с откупами Герцен и Огарев сближались с Чернышевским, который в статье «Откупная система» («Современник», 1859, № 10) требовал уничтожения этой системы, представлявшей собой «средство обманывать, разорять и развращать... нацию»⁵¹. Как известно, подробно остановился на этом движении и Н. А. Добролюбов в своей статье «Народное дело» (1859 г.), где он разоблачил попытку правительства объяснить «движение трезвости» агитацией католического духовенства и показал, что действительным поводом этого явления были злоупотребления откупщиков. По мнению Добролюбова, движение это свидетельствовало о способности народа «к противодействию незаконным притеснениям и к единодушию в действиях»⁵².

Борьба правительства с непьющими возмутила Герцена и Огарева. В статье «Пьянство, возведенное в православную и государственную обязанность» они заявляют, что губернатор, «который угрожает народ к пьянству», — мерзавец, а покровительствующая этому государственная казна — «это просто гнусный грабитель, а не казна»⁵³.

«Трезвенное движение» нашло широкое отражение в «Колоколе» и в 1860 г., особенно в приложении к нему — в листке «Под суд!». Так, № 5 этого листка от 1 апреля 1860 г. Герцен и Огарев целиком посвятили «делу разбития питейных домов в г. Спаске и его уезде (Тамбовский губернии)». В нем рассказана «возмутительная история» бессмысленного и безнаказанного дранья розгами *больше ста* крестьян генерал-адъютантом Толстым, тамбовским губернатором Данзасом и разными подьячими гражданского ведомства и палачами — военного»⁵⁴.

Это массовое сечение невинных крестьян вызвало негодование Герцена, заявившего, что «в этой службе правительства кабакам выразилась вся безнравственность петербургского периода»⁵⁵. В № 8 листка «Под суд!» рассказывается о разгроме «питейных заведений» в Саратовской губернии, поводом для которого послужили злоупотребления откупщиков, покровительствуемых саратовским начальством. Ответом на справедливые требования народа «были: плети казаков, *ружейные выстрелы*»⁵⁶.

Таким образом, борьба народа против помещиков и правительства в 1859—1860 гг. не прошла мимо внимания Герцена и Огарева. Поэтому нельзя согласиться с выводом И. С. Смолина о том, что к концу 1859 г. редакция «Колокола» «поверила творимой либералами легенде о спокойствии крестьян, мирно ожидающих исхода правительственной реформы»⁵⁷.

Как свидетельствует письмо Герцена к сыну, в начале 1860 г. Герцен и Огарев, несмотря на все свои колебания, уже видели идущую в России революционную борь-

⁴⁸ «Полярная звезда», 1857, кн. 3, стр. 321—322.

⁴⁹ Там же, стр. 320.

⁵⁰ «Колокол», л. 13, 15 апреля 1858 г., стр. 106.

⁵¹ Н. Г. Чернышевский. Избранные экономические произведения, т. I, Госполитиздат, М., 1948, стр. 681.

⁵² Н. А. Добролюбов. Полн. собр. соч. в 6 томах, т. IV, 1937, стр. 127.

⁵³ «Колокол», л. 44, 1 июня 1859 г., стр. 365. Этому же вопросу посвящен ряд других статей в «Колоколе» — л. 46 (22 июня 1859 г.) и л. 55 (1 ноября 1859 г.).

⁵⁴ Там же, л. 67, 1 апреля 1860 г., стр. 566.

⁵⁵ Там же.

⁵⁶ «Под суд!» л. 8, 1 сентября 1860 г., стр. 74.

⁵⁷ И. С. Смолин. «Колокол» (1857—1861 гг.), «Ученые записки Ленинградского государственного педагогического института им. А. И. Герцена, т. XXXIX, 1941, стр. 24.

бу народа, которая «именно потому и влечет» их к себе, что это «борьба на смерть»⁵⁸. Этим и объясняется рост демократических настроений Герцена, нашедший отражение в его статьях, помещенных в «Колоколе» за февраль — март 1860 г.

Так, в заметке «Убитый помещик» Герцен одобряет убийство крестьянином, вступившимся за честь невесты, своего помещика, заявляя, что он «превосходно сделал» и что «в подобном случае *еще нравственнее* расколоть топором голову барину»⁵⁹. Узнав из «Nord» о том, что во время переходного положения в каждый уезд будет послан военный начальник с полномочиями подавлять восстания крестьян, Герцен пишет, что «если солдатам противно будет из храброго войска сделаться палачами своих братьев-мужиков... тогда первый умный полковник, который с своим отрядом примкнет к крестьянам, вместо того, чтобы душить их,— сядет на престол Романовых»⁶⁰. Как известно, все эти замечательные высказывания были приведены В. И. Лениным в статье «Памяти Герцена»⁶¹.

Наконец, услышав о том, что редакционные комиссии признали за помещиками право телесного наказания крестьян, Герцен в заметке «Опять розги» восклицает: «Если это правда, пусть же первый топор, который они вызовут этим решением, падет на их преступные головы!»⁶². Интересно сравнить это высказывание с его заметкой «Тамбовское дворянство» («Колокол», л. 8, 1 февраля 1858 г.). Если тогда еще Герцен верил в возможность не только «топора народного», но и «гнева государя», то в статье «Опять розги» речь идет уже только о топоре крестьянина.

В ответ на слова князя Долгорукого, заявившего в своей книге «La vérité sur la Russie», что «правительство в России похоже всего больше на корабль, носимый по океану без всякого направления», и что этот корабль «может удариться о скалы», Герцен замечает: «Лишь бы *пассажиры* спаслись, а что касается до моряков и корабля,— туда им и дорога...»⁶³. Герцен уже сознает неизбежную и желательную гибель корабля российского самодержавия. Его интересует лишь судьба «пассажиров», т. е. народа. Для сравнения приведем слова либерала Кавелина, которые, хотя они относятся к 1862 г., были, как он признавал сам, характерны для него и в более ранний период⁶⁴. Кавелин тоже говорит о «государственном корабле». Но если, по мнению Кавелина, нужно «спустить корабль на воду как можно бережнее, чтобы он не разбился»⁶⁵, то Герцена мало заботит судьба этого корабля, идущего ко дну. Поэтому Герцен был совершенно прав, когда в статье «Россия и Польша» (март 1860 г.) писал, что «самое слово *либерал* как-то мало идет ко мне, особенно с тех пор, как в России доктринеры и бюрократы, цензоры и генерал-адъютанты хвастаются своим либерализмом»⁶⁶.

Конечно, это не значит, что либеральные колебания Герцена совсем исчезли под натиском идущей из России волны сведений о крестьянском движении. В ответ на знаменитое письмо «Русского человека», помещенное в «Колоколе» 1 марта 1860 г., где речь шла как раз о либеральных колебаниях Герцена, он не решился полностью стать на позиции автора письма. Но именно в это время он уже глубоко задумывался о возможности подготовленного революционерами народного восстания, как об этом свидетельствует документ Огарева «Цель русского движения»⁶⁷. В своем ответе Герцен указывает, что расходится с автором письма «не в *идеях*, а в средствах, не в *началах*, а в образе действия» и что автор этого письма представляет «одно из крайних выражений *нашего* направления». Считавший себя и Огарева «борцами и людьми

⁵⁸ А. И. Герцен. Полн. собр. соч. и писем, т. X, стр. 232. (Подчеркнуто мною.— Б. Г.).

⁵⁹ «Колокол», л. 62, 1 февраля 1860 г., стр. 517.

⁶⁰ «Колокол», л. 63, 15 февраля 1860 г., стр. 530.

⁶¹ См. В. И. Ленин. Соч., т. 18, стр. 14.

⁶² «Колокол», л. 64, 1 марта 1860 г., стр. 537. (Подчеркнуто мною.— Б. Г.)

⁶³ «Колокол», л. 70, 1 мая 1860 г., стр. 590.

⁶⁴ «Письма К. Дм. Кавелина и Ив. С. Тургенева к Ал. Ив. Герцену», Женева, 1892, стр. 59.

⁶⁵ Там же, стр. 57.

⁶⁶ «Колокол», лл. 65—66, 15 марта 1860 г., стр. 540.

⁶⁷ «Литературное наследство», т. 61, стр. 500—501.

партии»⁶⁸, Герцен сознает свою идейную близость к автору письма, хотя и расходится с ним в «образе действия». Для Герцена «призыв к топорам — последнее, а не первое». «Восстания,— по его словам,— зарождаются и возрастают, как все зародыши, в тиши и тайне материнского чрева, им надобно много сил и крепости, чтобы выйти на свет и громко кликнуть клич. Что же у вас готово?..— спрашивает Герцен.— Мы не знаем»⁶⁹.

Герцен высказывается за тщательную предварительную подготовку восстания. «Призвавши к топору,— говорит он,— надобно овладеть движением, надобно иметь организацию, надобно иметь план, силы...»⁷⁰. Так как, по мнению Герцена, ничего этого еще нет, то, следовательно, «звонить [в] набат» преждевременно. Что же будет, если «народ, увидя, что его надувают освобождением, сам бросится к топору». «Тогда,— указывает Герцен,— рассуждать нельзя, тут каждый должен поступать, как его совесть велит, как его *любовь* велит»⁷¹. Отсюда видно, что в случае народного восстания, которое «возможно благодаря бесхарактерности правительства и характерности помещиков»⁷², Герцен будет на стороне восставших крестьян, как он заявил это ранее в статье «Нас упрекают».

«Великим несчастьем» Герцен называет не всякое народное восстание, а лишь неподготовленное, стихийное восстание, о котором говорит и «Русский человек». Речь идет о том, что крестьяне, «которых помещики тиранят теперь с каким-то особенным ожесточением, готовы с отчаянья взяться за топоры...». Но из этого, как признает сам автор «Письма из провинции», может выйти «путаница, в которой царь, как в мутной воде, половит рыбки»⁷³, т. е. в этом случае могут так сложиться обстоятельства, что выиграет царь. Наконец, слова Герцена «не из Лондона звать к топорам»⁷⁴ означают, что, по его мысли, призыв к восстанию должен был идти «не из-за границы, а из самой России»⁷⁵.

Следовательно, причиной отказа Герцена от призыва «к топору» были не столько его надежды на возможность мирного исхода крестьянского освобождения, которых у него к этому времени почти не оставалось, сколько убеждение Герцена в том, что «звать к оружию можно только накануне битвы»⁷⁶, время для которой, по его мнению, еще не наступило. Однако, как он признал позднее в своем ответе «Молодой России», «насильственные перевороты бывают неизбежны» и «на них надобно быть готовым»⁷⁷.

Как известно, Н. Г. Чернышевский в прокламации «Барским крестьянам», написанной до крестьянской реформы⁷⁸, отмечал, что для выступления «пора не пришла», так как «покудова еще нет приготовленности», и что восстание надо начинать тогда, когда «езде... народ готов будет»⁷⁹.

Усиление крестьянского движения, а также, несомненно, поездка Чернышевского в Лондон способствовали росту революционных настроений Герцена и Огарева. Их давно волновали вопросы о поддержке, которую могли бы оказать солдаты восставшему народу. Так, еще в 1857 г. Огарев считал, что «крестьянская революция в России тем возможнее, что войско будет за нее»⁸⁰. Осенью 1859 г. он заявляет, что «при значительном крестьянском восстании... солдаты по мужикам стрелять не станут. Да

⁶⁸ «Колокол», л. 64, 1 марта 1860 г., стр. 531.

⁶⁹ Там же, стр. 533.

⁷⁰ Там же.

⁷¹ Там же.

⁷² Там же.

⁷³ Там же, стр. 534.

⁷⁴ Там же, стр. 533.

⁷⁵ «Колокол», л. 107, 15 сентября 1861 г., стр. 895.

⁷⁶ А. И. Герцен. Полн. собр. соч. и писем, т. XV, Пг., 1920, стр. 375.

⁷⁷ Там же, стр. 372. (Подчеркнуто мною.— Б. Г.)

⁷⁸ См. М. В. Нечкина. Н. Г. Чернышевский в годы революционной ситуации. «Исторические записки», т. 10, 1941, стр. 30, 31.

⁷⁹ Н. Г. Чернышевский. Избр. экономич. произвед., т. II, Госполитиздат. 1948, стр. 615.

⁸⁰ «Колокол», л. 3, 1 сентября 1857 г., стр. 19.

и большинство благородных офицеров не позволят им стрелять»⁸¹. А в «Письмах к соотечественнику» Огарев прямо рекомендует «честному меньшинству» «служить в военной службе», надеясь, что таким путем «в войско прибавится масса образованных офицеров, которые не допустят солдат... стрелять по народу»⁸².

Более подробно эта мысль развита им в статье «На новый год» (1861). В ней Огарев указывает на всеобщее недовольство народа «поддельной свободой». По его словам, теперь, когда «слово *свобода* вылетело из клетки», «малейшее притеснение со стороны помещика, прежде проходившее незамеченным... примется крестьянином хуже самых зверских помещичьих проделок». Если же помещик потребует земскую полицию для наказаний, «выйдет бунт»⁸³. Таким образом, Огарев приходит к выводу, что результатом предстоящего «освобождения» будет восстания крестьян. Он надеется на то, что у солдат, «у которых отцов и братьев обманули мнимым освобождением... которых плохо кормят и хорошо бьют», не хватит «усердия на избивание крестьян»⁸⁴. Если же «один полк откажется стрелять по народу, то все откажутся»⁸⁵.

Что же, по мнению Огарева, надо сделать, чтобы «войско не было употреблено против крестьян»? Для этого необходимо «умножать» число образованных офицеров, «голос которых для солдата будет понятнее голоса бездарных немецких генералов»⁸⁶. Только таким путем можно помешать правительству «опираться на штыки и рассчитывать на пушки»⁸⁷.

В статье «На новый год» Огарев делает шаг вперед и по сравнению с высказываниями 1860 г. Если раньше он не указывал никаких конкретных сроков для восстания, то теперь открытое выступление планируется на начало 1861 г., когда должен был выйти указ об «освобождении» крестьян⁸⁸. Если крестьяне, восставшие в ответ на реформу, получат соответствующее руководство и содействие со стороны войска (для чего обществу нужно составить «свои центры действия» и наметить «цели и пути» предстоящего выступления⁸⁹), тогда, по словам Огарева, «новый указ о крестьянах будет не конец крепостного состояния, а начало русского освобождения»⁹⁰.

При сравнении этой статьи Огарева, носившей, несомненно, революционный характер⁹¹, с прокламациями Чернышевского мы видим большое сходство между ними. Вот, например, отрывок из прокламации «Барским крестьянам»: «А еще вот кому от нас поклонитесь: офицерам добрым... Так, чтобы солдаты таких офицеров высматривали, которые надежны, что за народ стоять будут, и таких офицеров пусть солдаты слушаются, как волю добыть»⁹².

Таким образом, расхождения по тактическим вопросам между Чернышевским и редакцией «Колокола» постепенно сглаживались и уменьшались, что особенно произошло в начале 1861 г.

О росте демократических устремлений Герцена и Огарева свидетельствует также реакция «Колокола» на волнение крестьян Итовской вотчины, Ямбургского уезда, Петербургской губернии, жестоко подавленное правительственными войсками во главе с губернатором Смирновым. Герцен и Огарев уже не ограничиваются проклятиями по адресу усмирителей, как они это делали раньше, они уже не пишут письма, подобные опубликованному в «Колоколе» письму к генерал-адъютанту Зиновьеву от 24 июля

⁸¹ «Колокол», л. 51, 1 сентября 1859 г., стр. 416.

⁸² «Колокол», л. 77—78, 1 августа 1860 г., стр. 645.

⁸³ «Колокол», л. 89, 1 января 1861 г., стр. 745.

⁸⁴ Там же, стр. 746.

⁸⁵ Там же, стр. 749.

⁸⁶ Там же.

⁸⁷ Там же.

⁸⁸ Там же, стр. 745.

⁸⁹ Там же.

⁹⁰ Там же, стр. 749.

⁹¹ Статья «На новый год» была перепечатана в тайной раеволюционной типографии в Москве и распространялась как прокламация.

⁹² Н. Г. Чернышевский. Избр. экономич. произвед., т. II, стр. 615.

1860 г., они спрашивают теперь: «Когда же это русский народ отделается от этой сволочи?»⁹³.

Исследователи обычно не уделяют этому факту никакого внимания, однако он имеет большое значение, ибо показывает, что Герцен и Огарев в начале 1861 г. возлагали все свои надежды на русский народ, который мог и должен был, по их мнению, отделаться от своих угнетателей. Правда, Герцен и Огарев еще не решались прямо призвать народ к восстанию, но они уже видели в нем силу, способную свергнуть самодержавно-крепостнический строй в России.

Остановимся теперь на событиях весны 1861 г. и на том влиянии, которое они оказали на Герцена и Огарева.

К середине 1860 г. Герцен и Огарев потеряли надежду на возможность действительного освобождения крестьян правительством⁹⁴. Но перед самой реформой 1861 г. в Герцене вновь оживают либеральные иллюзии, связанные с непониманием им классовой сущности русского самодержавия. Считая, что «столько для России никогда не стояло на карте, ни в 1612, ни в 1812 году»⁹⁵, Герцен ждал, «не переводя духа»⁹⁶, освобождения крестьян.

Чутье революционера подсказывало Герцену, что ничего хорошего от правительства ожидать нельзя. Отсюда состояние «тоски и страха»⁹⁷, охватившее его в это время. В статье «Накануне» Герцен писал: «Пришла великая суббота, скоро ударит колокол к заутрене... а на душе страшно и тяжело. И мы, как наши бедные крестьяне, стоим в раздумье, с непоной верой, с глубоким желанием любви и с непреодолимым чувством ненависти»⁹⁸.

Не получая правильных сведений о содержании крестьянской реформы и не имея на руках полного текста «Положений», Герцен и Огарев не могли сразу уяснить себе подлинный характер манифеста 19 февраля 1861 г., который они приняли за «начало освобождения крестьян в России»⁹⁹. Однако либеральные иллюзии Герцена и Огарева вскоре исчезают под влиянием революционных событий в России. На празднике 10 апреля Герцен хотел поднять свой тост за Александра II — «освободителя крестьян», но этот праздник был «омрачен неожиданной вестью» о крови, пролитой в Варшаве¹⁰⁰. «Через новую кровь» тост Герцена «не мог идти». «Преступление было слишком свежо, раны не закрылись, мертвые не остыли, имя царя замерло на губах...»¹⁰¹. И Герцен бичует Александра II, который из «освободителя крестьян» сделался «простым убийцей, убийцей из-за угла!»¹⁰². В статье «Рейтерн» Герцен советует «расстреливать тех генералов, которые велят стрелять по безоружным»¹⁰³.

Еще более сильное впечатление на Герцена и Огарева оказали крестьянские восстания 1861 г., начавшиеся сразу же после обнародования манифеста 19 февраля. За один лишь 1861 г. неповиновения крестьян имели место в 1176 имениях¹⁰⁴, что почти равнялось числу крестьянских волнений за предшествующие 35 лет (1826—1861 гг.). Они охватили почти все губернии Европейской России. В России создалось положение, при котором, как указывал В. И. Ленин, «самый осторожный и трезвый политик должен был бы признать революционный взрыв вполне возможным и крестьянское восстание — опасностью весьма серьезной»¹⁰⁵.

⁹³ «Колокол», л. 91, 1 февраля 1861 г., стр. 764.

⁹⁴ Подробнее об этом см. мою статью «Отношение А. И. Герцена и Н. П. Огарева к крестьянской реформе в период ее подготовки (1857—1860 гг.)», «Исторические записки», т. 36, 1951, стр. 210, 211.

⁹⁵ А. И. Герцен. Полн. собр. соч. и писем, т. XI, Пг., 1919, стр. 37.

⁹⁶ Там же, стр. 42.

⁹⁷ «Колокол», л. 94, 15 марта 1861 г., стр. 789.

⁹⁸ «Колокол», л. 93, 1 марта 1861 г., стр. 777. (Подчеркнуто мною.— Б. Г.)

⁹⁹ «Литературное наследство», т. 63, стр. 66.

¹⁰⁰ Н. А. Тучкова-Огарева. Воспоминания, Л., 1929, стр. 302.

¹⁰¹ «Колокол», л. 96, 15 апреля 1861 г., стр. 805.

¹⁰² «Колокол», л. 97, 1 мая 1861 г., стр. 813.

¹⁰³ Там же, стр. 819.

¹⁰⁴ Сб. «Крестьянское движение 1827—1869 гг.», вып. 2, М.—Л., 1931, стр. 17.

¹⁰⁵ В. И. Ленин. Соч., т. 5, стр. 27.

Особенно сильные волнения крестьян наблюдались в селе Бездна, Спасского уезда, Казанской губернии и в селах Кандеевка и Черногай, Пензенской губернии, где вооруженные кольями и вилами крестьяне оказали сопротивление присланной для их усмирения воинской команде¹⁰⁶.

Либеральные круги с самого начала встретили враждебно крестьянское движение и одобрили карательные действия правительства. Так, А. В. Никитенко записал 3 мая 1861 г. в своем дневнике: «Однако добродушный русский народ, который, по словам Погодина, встретил свободу с умилением сердца, кротко и благодарно, начинает в разных местах проявлять свое вековое невежество и грубое непонимание закона и права»¹⁰⁷. «Безграмотному люду,— читаем мы в письме Ю. Ф. Самарина от 29 июля 1861 г.,— нужно было узнать, до какой степени можно теперь безнаказанно не слушаться приказчиков, грубить нарядчикам, не выходить на работу и дразнить помещиков. Народ начал расправлять свои усталые члены и потягиваться во все стороны, но как скоро он ударялся об стену, так он немедленно убирал свои раскинутые руки и ноги. Встретив отпор, он зарубил себе на память «А! Значит далеко зашел, этого нельзя»¹⁰⁸.

Совершенно иную оценку этим событиям дали Герцен и Огарев.

Когда правительство решило послать в губернии генерал- и флигель-адъютантов для «приведения в исполнение освобождения крестьян», Герцен категорически выступил против этой меры. «Как же они будут сечь мужиков — эти *эмансипационс-адъютанты!* как запутают дела!»¹⁰⁹, — восклицает он.

Получив известие о волнениях крестьян в России, Герцен 13 мая 1861 г. писал М. К. Рейхель: «Знаете ли вы все ужасы, происходящие в России? В пяти губ. расстреливали, убивали крестьян. В Казанской губ. 70 убитых и во всем виновато правительство»¹¹⁰.

Первые сведения о крестьянских восстаниях и расстрелах, о которых Герцен узнал из писем С. Громеки, помещены в листах 98—99 «Колокола» от 15 мая 1861 г., т. е. раньше, чем в «С.-Петербургских ведомостях». В противовес насквозь лживому «правительственному сообщению», в котором утверждалось, что только «непреклонное упорство» безднинских крестьян, начавших «в большом числе выходить из дворов за кольями», «вынудило» посланного на усмирение графа Апраксина «действовать решительно»¹¹¹, в письмах, опубликованных в «Колоколе», дается гораздо более правдивое освещение «Безднинского побоища». Так, в «Письме к издателю», напечатанном в «Колоколе», говорится, что народ, собравшийся в Бездне, не совершал «никакого грабительства» и не имел при себе «никакого оружия»¹¹². Однако Герцен, пользовавшийся информацией С. Громеки и других либерально настроенных корреспондентов, не сумел понять истинного характера безднинского восстания, которое, по словам помещика Н. А. Крылова, имело в ряде мест «размер пугачевщины»¹¹³.

Как видно из статьи «Убийство в Пензенской губернии», Герцен и Огарев имели сведения о волнениях крестьян в 20 губерниях из 47¹¹⁴, т. е. почти о половине всего числа крестьянских волнений. Таким образом, крестьянское движение 1861 г. отражено в «Колоколе» гораздо полнее, чем это имело место в предшествующие годы. Объяснялось это, на наш взгляд, тем, что в 1861 г. связи с Россией значительно улучшились и редакция «Колокола» получила от своих корреспондентов много сообщений о крестьянских волнениях.

С самого начала событий Герцен и Огарев выступают на стороне народа. Так, в мае 1861 г. Герцен писал: «Да, русская кровь льется рекой!.. И есть пресные души, робкие умы, упрекающие нас в выстрадавших нами словах проклятья и негодования!..

¹⁰⁶ Сб. «Крестьянское движение в 1861 г.», М.—Л., 1949, стр. 143.

¹⁰⁷ А. В. Никитенко. Дневник, т. II, М., 1951, стр. 188.

¹⁰⁸ О. Трубецкая. Материалы для биографии князя В. А. Черкасского, т. 1, кн. 2, М., 1904, стр. 256—257.

¹⁰⁹ А. И. Герцен. Полн. собр. соч. и писем, т. XI, стр. 52.

¹¹⁰ Там же, стр. 93. (Подчеркнуто мною.— Б. Г.)

¹¹¹ «С.-Петербургские ведомости», 16 мая 1861 г.

¹¹² «Колокол», л. 100, 1 июня 1861 г., стр. 837.

¹¹³ Сб. «Крестьянское движение в 1861 г.», стр. 63.

¹¹⁴ См. «Колокол», л. 102, 1 июля 1861 г., стр. 859.

Ужасом, слезами наполняют нас новости, идущие со всех сторон. Бедные, бедные крестьяне!»¹¹⁵. Он обвиняет во всем царское правительство, которое вместо того, чтобы все предупредить, «убивает толпы наших братьев»¹¹⁶. В статье «12 апреля 1861 (Апраксинские убийства)» Герцен писал, что «— такого злодейства... не бывало с аракеевских времен». «Где родились эти кровожадные флигель-адъютанты? — спрашивает он.— Где воспитались эти импровизированные палачи?»¹¹⁷.

Зверские расстрелы невинных крестьян показали Герцену истинную сущность «всекаемого освобождения»¹¹⁸. В статье, опубликованной в листе 105 «Колокола». Герцен говорит, что «освобождение — обман»¹¹⁹ и что царь «облыжным освобождением сам взялся раскрыть народу глаза», послав «во все четыре стороны Руси флигель-адъютантов, пули и розги»¹²⁰.

Читая «Положения 19 февраля 1861 г.» — эту «летопись дурно прикрытого военнo-чиновничьего злодейства», Огарев приходит к выводу, что «виновата не жертва, а бестолковость царских законов»¹²¹, которые он называет «Уставом о новом рабстве». Он пишет, что Александр II, по приказу которого совершались расстрелы невинных крестьян, — «убийца и палач»¹²². «Разрыв с этим правительством, — по мнению Огарева, — для всякого честного человека становится обязательным»¹²³. У Герцена и Огарева «нет надежд (на Александра II. — Б. Г.), нет прощенья»¹²⁴.

Таким образом, Герцен и Огарев, в противоположность либералам, оправдывают действия крестьян и обвиняют во всем царское правительство.

Здесь они сближаются с Н. Серно-Соловьевичем, который, касаясь событий в России, писал: «В эти три несчастные месяца, народ выстрадал столько горя, пролил столько слез и крови, что ими залилась вся радость освобождения»¹²⁵. «Не на народ, — заявляет Серно-Соловьевич, — падает ответственность за то, что теперь совершается в России»¹²⁶, а на правительство. Политическая позиция Герцена, еще более отчетливо, чем до реформы, увидевшего революционный народ в России, получила горячее одобрение Н. Обручева, заявившего в своем письме к Огареву (от 8 сентября 1861 г.), что Герцен «решительно помолодел»¹²⁷.

В ответ на расстрел крестьян в Бездне Герцен выступает в «Колоколе» с революционным призывом, обращенным к народу: «А вы, несчастные братья-раскольники, вы, много претерпевшие, но никогда не мешавшиеся с Россней помещиков, палачей и стрелков по безоружным, храните день новых страстей, 12 апреля, в вашей памяти. Укрепляйтесь духом и помните крик, с которым умерли безднинские мученики: «Воля! Воля!»¹²⁸.

В цитируемой В. И. Лениным статье «Ископаемый епископ, допотопное правительство и обманутый народ»¹²⁹ Герцен восклицает: «О, если б слова мои могли дойти до тебя, труженик и страдалец земли русской!.. как я научил бы тебя презирать твоих духовных пастырей, поставленных над тобой петербургским синодом и немецким царем. Пора их вывести на свежую воду! ...Ты ненавидишь помещика, ненавидишь подьячего, боишься их — и совершенно прав; но веришь еще в царя и в архиерея... не верь им! Царь с ними, и они его»¹³⁰.

¹¹⁵ «Колокол», л. 98—99, 15 мая 1861 г., стр. 821.

¹¹⁶ Там же.

¹¹⁷ «Колокол», л. 101, 15 июня 1861 г., стр. 849.

¹¹⁸ «Колокол», л. 103, 15 июля 1861 г., стр. 868.

¹¹⁹ «Колокол», л. 105, 15 августа 1861 г., стр. 878.

¹²⁰ Там же.

¹²¹ «Колокол», л. 103, 15 июля 1861 г., стр. 862.

¹²² Там же.

¹²³ «Колокол», л. 101, 15 июня 1861 г., стр. 845.

¹²⁴ «Колокол», л. 103, 15 июня 1861 г., стр. 862. (Подчеркнуто мною. — Б. Г.)

¹²⁵ Н. Серно-Соловьевич. Окончательное решение крестьянского вопроса. Берлин, 1861, стр. 38.

¹²⁶ Там же, стр. 54.

¹²⁷ «Литературное наследство», т. 62, стр. 418.

¹²⁸ «Колокол», л. 101, 15 июня 1861 г., стр. 849.

¹²⁹ См. В. И. Ленин. Соч., т. 18, стр. 14.

¹³⁰ «Колокол», л. 105, 15 августа 1861 г., стр. 878.

Герцен разъясняет народу, что только он сам может освободить себя и что «живая память о них (Антоне Петрове и других народных «пастырях». — Б. Г.) может совершить одно чудо — твое освобождение»¹³¹.

О горящей вере в силы народа свидетельствует напечатанная в «Колоколе» статья «Исполин просыпается». Герцен указывает здесь на назревшую в стране революционную ситуацию. «Прислушайтесь, — пишет он, — со всех сторон огромной родины нашей, с Дона и Урала, с Волги и Днепра растет стон, поднимается ропот; это — начальный рев морской волны, которая закипает, чреватая бурями, после страшно утомительного штиля»¹³². Герцен призывает народ проснуться окончательно, потянуться «во всю длину молодецкую» и чихнуть, «чтобы спугнуть всю эту стаю сов, воронов, вампиров, Путятиных, Муравьевых, Игнатьевых и других нетопырей»¹³³. Он советует студентам, исключенным за «беспорядки» из университетов, идти в народ, чтобы поднять его на революцию. «В народ! к народу! — вот ваше место, изгнанники науки, покажите... что из вас выйдут не *подьячие*, а воины... воины народа русского!»¹³⁴.

В то время, когда официальные круги готовились к празднованию тысячелетия «основания» России и произносились пышные речи о «могуществе» и «незыблемости» русского самодержавия, Герцен выражал надежду, что второе тысячелетие, в которое входит Россия, «легко может быть, начнется с изгнания в а р я г о в (царской фамилии. — Б. Г.) за море»¹³⁵. По его мнению, «этот незыблемый трон не простоят пять лет, если наш благодушный дурачок (Александр II. — Б. Г.) не переменится»¹³⁶.

Революционные выводы сделал и Огарев в своей критике реформы. Он указывает, что из такого «освобождения» разовьется лишь «новое крепостное право», но вместе с тем и «расширится бедна... в которую все правительственное обрушится. потому что у него из-под ног исчезает почва»¹³⁷. У Огарева, как и у Герцена, зреет мысль о скорой гибели самодержавного правительства, которое «семи лет не продержится»¹³⁸. Огарев приходит к выводу о неизбежности массового народного восстания как результата крестьянской реформы. «Неурядица «Положений», — пишет он, — будет с каждым днем подстрекать и народ и самих помещиков к выходу из невыносимого состояния»¹³⁹. У народа «силы будут расти и крепнуть», и «раз проснувшееся освобождение России совершится помимо и вопреки правительству...»¹⁴⁰.

В середине 1861 г. начинает оформляться тайное революционное общество «Земля и воля», к которому Герцен и Огарев имеют самое непосредственное отношение. «Повсюдное» восстание в связи с объявлением царской воли в 1861 г. не вспыхнуло. Возникла надежда на то, что оно вспыхнет в 1863 г., когда истечет срок временнообязанного состояния и войдут в силу «уставные грамоты». «Земля и воля» и призвана была готовить народ к восстанию.

Летом 1861 г. Огарев совместно с Н. А. Серно-Соловьевичем и Н. Н. Обручевым написал статью-прокламацию «Что нужно народу?», представлявшую собою программу «Земли и воли» 60-х годов. Поводом для ее написания послужили разговоры о необходимости организации в России тайного общества, которые, по данным М. К. Лемке, велись в июне 1861 г. в Лондоне между Огаревым и Н. А. Серно-Соловьевичем, А. А. Слепцовым и Н. Н. Обручевым. В этой прокламации Огарев призывает не верить царю, который «не друг, а первый враг народа», а поискать себе «друзей понадежнее, друзей настоящих»¹⁴¹. В первую очередь рекомендуется «сближаться с войском», а также подбирать хороших офицеров, которые бы научили солдат, что «стрелять по народу грех смертный»¹⁴².

¹³¹ «Колокол», л. 105, 15 августа 1861 г., стр. 879.

¹³² «Колокол», л. 110, 1 ноября 1861 г., стр. 918.

¹³³ Там же, стр. 917.

¹³⁴ Там же, стр. 918.

¹³⁵ «Колокол», л. 112, 15 ноября 1861 г., стр. 933. (Подчеркнуто мною. — Б. Г.)

¹³⁶ А. И. Герцен. Полн. собр. соч. и писем, т. XI, стр. 171.

¹³⁷ «Колокол», л. 106, 1 сентября 1861 г., стр. 886.

¹³⁸ «Колокол», л. 104, 1 августа 1861, стр. 874.

¹³⁹ «Колокол», л. 106, 1 сентября 1861 г., стр. 888.

¹⁴⁰ Там же.

¹⁴¹ «Колокол», л. 102, 1 июля 1861 г., стр. 856.

¹⁴² Там же.

В заключение Огарев советует народу не шуметь без толку и не лезть «под пули в разбивку», а «молча собираться с силами, искать людей преданных, которые помогли бы и советом, и руководством, и словом, и делом, и казней, и жизнью, чтоб можно было ... отстоять против царя и вельмож землю мирскую, волю народную, да правду человеческую»¹⁴³.

Статья эта находится под несомненным влиянием прокламации Чернышевского «Барским крестьянам», вплоть до прямого текстуального сходства. Я. З. Черняк даже предполагал, что текст статьи «Что нужно народу?» представлял собой «измененный и смягченный вариант прокламации Чернышевского»¹⁴⁴.

Появление первого номера прокламации «Великорус» встретило восторженный отклик Герцена и Огарева, которые в заметке «Заводите типографии! Заводите типографии!» приветствовали этот «второй необходимый шаг»¹⁴⁵.

В «Ответе» на «Ответ Великорусу» Огарев развивает разработанные им еще до реформы мысли об организации вооруженного восстания против самодержавия. Он выдвигает перед «образованным меньшинством» задачу революционной агитации в народе и сближения с ним. В центре этой агитации должно стоять «уяснение несостоятельности и вреда царской власти для общественного благосостояния и общественной свободы»¹⁴⁶. В этой статье Огарев открыто заявляет, что самодержавие «положительно мешает» народному устройству и потому «на первом плане стоит необходимость его устранения»¹⁴⁷. Огарев определяет «время, в которое может совершиться его (правительства.— Б. Г.) падение». «Это — от издания манифеста — два года, шесть лет, девять лет. На эти сроки,— говорит он,— естественно, обратится внимание всякого общества и целого народа»¹⁴⁸. В первую очередь он намечает весну 1863 г., когда, по его мнению, «повторятся безднинские дела»¹⁴⁹. Одновременно Огарев разрабатывает конкретные планы создания областных тайных обществ для подготовки «следующего русского военно-крестьянского восстания»¹⁵⁰, задачей которого должно было явиться свержение самодержавия и установление конституционного устройства в России.

Конечно, по сравнению с общим числом крестьянских волнений крестьянское движение отражено в «Колоколе» неполно. Но что публиковалось об этом внутри России в легальной прессе? Почти ничего. Если принять во внимание цензурную обстановку в России того времени, то следует признать большое революционизирующее значение соответствующих материалов, печатавшихся на страницах «Колокола». При этом симпатии Герцена неизменно на стороне народа. Он показывает, что истинными виновниками крестьянских «бунтов» всегда являются помещики и царская власть, свирепо расправляющиеся с восставшими крестьянами.

Подводя итоги, скажем, что рост крестьянских волнений в России приводит Герцена и Огарева к мысли о неизбежности «массового восстания крестьянства» в России. В годы революционной ситуации Герцен и Огарев увидели революционный народ в России, что привело к росту их демократических настроений. В эту почву и уходят, как указал Ленин, корни их растущего революционного демократизма и преодоления либеральных колебаний.

¹⁴³ Там же.

¹⁴⁴ «Литературное наследство», т. 62, стр. 426.

¹⁴⁵ «Колокол», л. 105, 15 августа 1861 г., стр. 877.

¹⁴⁶ «Колокол», л. 108, 1 октября 1861 г., стр. 904.

¹⁴⁷ Там же, стр. 903.

¹⁴⁸ Там же, стр. 904, 905.

¹⁴⁹ Там же, стр. 903. (Подчеркнуто мною.— Б. Г.)

¹⁵⁰ «Литературное наследство», т. 61, стр. 521.

